

Мужун Цинь схватил его за подбородок, заставив повернуть голову для поцелуя. Его зрачки покраснели, словно у дикого волка, который пожирает, не оставляя костей. Но, увидев слёзы в глазах Бай Цинцзю, он вдруг замедлился.

— Почему ты плачешь? — спросил он.

Бай Цинцзю сжал кулаки, его тело слегка дрожало:

— Больно.

— Ты ещё знаешь, что такое боль? Если бы ты хоть немного сотрудничал, тебе бы не было так больно. Это ты сам виноват, Бай Цинцзю.

Это была самая страшная ночь в памяти Бай Цинцзю. В первый раз его «ели» снова и снова, он не мог сосчитать, сколько раз. Каждое его движение сопротивления заканчивалось тем, что его хватали, связывали руки и ноги, затыкали рот.

Или, когда он больше всего хотел плакать и сопротивляться, Мужун Цинь становился ещё более яростным.

Мужун Цинь смотрел на его лицо, не моргая. Он и Ся Юй были совсем не похожи, но даже если Мужун Цинь принимал его за Ся Юя, зачем ему было так пристально смотреть на его лицо?

Бай Цинцзю считал себя совсем некрасивым, и в такой обнажённой, унижительной позе перед ним, он хотел закрыть лицо руками.

После первого раза Бай Цинцзю восстанавливался почти две недели. Каждый день Мужун Цинь лично наносил ему мазь и заставлял принимать противовоспалительные лекарства, боясь, что он испортится и больше не будет пригоден. Купленный питомец должен быть приручен несколько раз, чтобы стать послушным.

Когда Бай Цинцзю поправился, он хотел найти работу и рисовать, но Мужун Цинь отругал его:

— Не выходи из дома. Если хочешь рисовать, делай это здесь. Я заплачу тебе самую высокую цену.

На самом деле Бай Цинцзю заработал у Мужун Циня много денег, которые хранил в своём тайнике, но так и не потратил их до самой смерти.

—————

Мужун Цинь отпустил его и сел в кресло, рядом с которым стоял недопитый бокал красного вина. Он взял его и сделал небольшой глоток:

— Бай Цинцзю, о чём ты так долго думаешь?

Бай Цинцзю вздрогнул. Незаметно наступил второй пятилетний период. Вспоминая страх, который он испытывал от насильственного обладания, его сердце окутал туман.

Он снова собирается использовать те же методы против меня. Он снова ранит меня до глубины души, а потом попытается утешить одной конфетой.

Хотя за те пять лет Мужун Цинь никогда не называл имя Ся Юя в постели, это всегда

оставалось самым большим страхом Бай Цинцзю. И этот страх возвращал его к самым болезненным временам.

Мужун Цинь холодно приказал:

— Подойди сюда.

Бай Цинцзю сделал шаг к столу и поднял пачку денег:

— Господин Мужун, это деньги за медицинские расходы. Хотите, чтобы я их пересчитал?

Мужун Цинь встал и швырнул деньги на пол:

— Ты что, бухгалтер? Даже если бы я позволил тебе считать, ты бы справился?

— ...

Мужун Цинь смотрел на него с лёгким жаром в глазах:

— Бай Цинцзю, не притворяйся дурачком.

Бай Цинцзю сжал кулаки. Мужун Цинь был слишком близко, и на таком расстоянии пять лет назад это было бы крайне опасно.

Бай Цинцзю отступил на два шага:

— Господин Мужун, простите, я не буду вас больше беспокоить.

— Я уже заказал лекарства из-за границы. Если всё пойдёт хорошо, они придут через три дня. Ты знаешь, сколько стоят импортные лекарства?

Бай Цинцзю уже решил уйти, но эти слова остановили его. У него не было ни денег, ни способа их заработать. Состояние отца могло ухудшиться через три дня, а могло и раньше.

Мужун Цинь вдруг осознал, что говорит слишком много. С тех пор как он сегодня рано ушёл с работы, чтобы поджидать Бай Цинцзю, его мысли начали двигаться в непредсказуемом направлении.

Мужун Цинь не мог объяснить, почему, с того дня, как он увидел Бай Цинцзю, рисующего на углу улицы, он не мог перестать думать о нем. Хотя Бай Цинцзю рисовал, чтобы продать свои работы, каждая его линия была исполнена с предельной тщательностью.

Он мог не спать, не есть, просто продолжая рисовать. Когда же это закончится?

У Мужун Циня возникло импульсивное желание забрать его домой, чтобы он рисовал только для него. Такой слабый и беспомощный человек был слишком лёгкой добычей.

Бай Цинцзю знал, что его обычное тело, без красивой внешности и сильной души, не могло привлечь Мужун Циня, но тот всё равно хотел заключить его в свои объятия, завладеть им.

За те пять лет, что его содержали, они пережили столько мрачных и страстных моментов. Что значило ещё один раз? Бай Цинцзю и раньше сам предлагал себя, он знал, что больше всего нравится Мужун Циню.

Бай Цинцзю сглотнул, развязал пояс халата Мужун Циня, который был завязан довольно свободно, и легко снял его.

Он опустился на колени, на мгновение почувствовав, как дыхание перехватило. Его ладонь мягко легла на...

Мужун Цинь внезапно поднял его и, оттолкнув, прижал к дивану, смотря с недоумением:

— Бай Цинцзю, как ты мог делать такие вещи?

— Я...

Что он мог сказать? Что это Мужун Цинь его научил?

Бай Цинцзю не мог объяснить, через что он прошёл. Возможно, за пять лет он ничего не научился, кроме того, как угождать Мужун Циню.

Конечно, даже его попытки угодить были неуклюжими. Мужун Цинь был непредсказуем, иногда он был добр к нему, дарил кольца и часы, а иногда холодно отстранялся, уходя в другую комнату на несколько недель, и причиной всегда был отказ Бай Цинцзю.

Его взгляд остановился на лице Мужун Циня, его зрачки были чистыми и ясными, как у того невинного юноши, каким он был раньше.

Его пальцы мягко скользнули по животу, и он произнёс эти слова без тени смущения:

— Господин Мужун, я делаю то, что должен. Вы обещали мне кое-что, не забудьте.

Мужун Цинь схватил его за руку:

— Тогда почему ты не подписал тот договор? Я могу дать тебе гораздо больше.

— Я знаю, но мне это не нужно.

Когда-то Бай Цинцзю подписал договор о содержании с тайной надеждой. Он любил Мужун Циня, а Ся Юй не вернулся. Пять лет — разве нельзя что-то изменить за это время?

Но он слишком высоко себя оценил. Если человек тебя не любит, ты никогда не услышишь «я люблю тебя», даже на смертном одре.

Бай Цинцзю закрыл глаза, не желая вспоминать прошлые ошибки. Он совершил столько глупостей, что помнил каждую, но Мужун Цинь, возможно, не помнил ни одной.

Бай Цинцзю обнял его за спину и приблизился для поцелуя. Холодный поцелуй, словно без единой лишней эмоции, но, коснувшись губ, он почувствовал, как дрожь пробежала по всему телу.

Его ресницы дрожали, хотя он был напряжён и напуган, он привык притворяться спокойным. Всего лишь поцелуй, по сравнению с другими вещами, это было слишком легко.

Но он забыл, что пять лет назад Бай Цинцзю никогда бы не стал сам целовать Мужун Циня. Он был тем, кто дрожал от одного его взгляда, тем, кто всегда опускал глаза и старался быть незаметным. Даже если бы ему дали десять жизней, он бы никогда не осмелился пробраться в дом Мужун Циня и предложить себя.

Мужун Цинь выпрямился и холодно спросил:

— Кто ты?

Бай Цинцзю откинулся на диван, его одежда была слегка растрёпана, нервы напряглись до предела:

— Почему ты так спрашиваешь?

Мужун Цинь положил ладонь на его грудь, ощущая температуру сердца:

— Бай Цинцзю, ты словно стал другим человеком. Раньше ты никогда не смотрел на меня так прямо.

Бай Цинцзю улыбнулся:

— Ты тоже.

Никто не мог поверить, что перед ним стоит тот, кого они знали. Бай Цинцзю, вернувшийся после перерождения, разрушил все планы Мужун Циня. Многие слова, которые он сдерживал, и поступки, которые не совершал, теперь Мужун Цинь больше не мог терпеть.

Жаркий воздух постепенно успокоился, и Мужун Цинь сказал:

— Пойдём со мной.

— ...

Бай Цинцзю не успел опомниться, как Мужун Цинь повёл его за шею. Под особняком был большой склад, где, помимо вина, хранились картины Бай Цинцзю, разбросанные повсюду.

Но сейчас склад был пуст. Бай Цинцзю не понимал, зачем они спустились сюда. Неужели для какого-то подвального развлечения? Они и раньше этим занимались, несколько раз даже испортили пару картин, размазав краски по телу. Мужун Цинь любил это и не стеснялся портить ещё больше работ.

Самым извращённым поступком Мужун Циня было заставить его рисовать во время процесса. Получалось что-то бессмысленное, но Мужун Цинь обожал это и выставлял на самом видном месте в студии.

Бай Цинцзю спускался по лестнице, думая о всяких глупостях. Впереди был занавес, словно за ним скрывалось нечто ценное, готовое к торжественному представлению.

Мужун Цинь спросил:

— Какая из твоих картин тебе нравится больше всего?

Бай Цинцзю, не стесняясь, ответил:

— Их слишком много.